

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

МАРКИЗ
ДЕ САД

120 дней Содома, или
Школа разврата

МОСКВА
2024

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М26

Marquis de Sade
LES 120 JOURNÉES DE SODOME, OU,
L'ÉCOLE DU LIBERTINAGE
Перевод с французского *Евгения Храмова*
Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Маркиз де Сад.
М26 120 дней Содома, или Школа разврата / Маркиз де Сад; [перевод с французского Е. Храмова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.— (Всемирная литература).

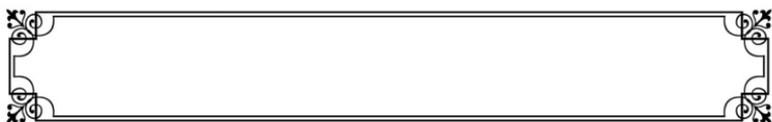
ISBN 978-5-04-198801-2

Самые откровенные, шокирующие, порочные фантазии в романе величайшего знатока эротики Маркиза де Сада. Философия разрушения, превознесение порока, все виды изнасилований и наказаний — в книге «120 дней Содома, или Школа разврата», написанной в Бастилии. Рукопись была спрятана де Садом в стене камеры и случайно обнаружена только в 1900 году. По мотивам книги снята драма Пазолини «Сало, или 120 дней Содома» — о последних днях итальянского фашизма.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-198801-2

© Е. Храмов, перевод на русский язык.
Наследники, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Почему Сад?

В конце Второй мировой войны, когда от обширной империи Муссолини осталась небольшая часть на севере Италии, Гитлер позволил своему верному союзнику попользоваться напоследок властью — вождь итальянского фашизма возглавил так называемую «Республику Сало», названную по имени своей «столицы», маленького городка Салол. В эти дни четверо крупных фашистских иерархов решают в приближении конца «потешить» себя. В брошенный владельцем просторный помещичий дом их молодчики сгоняют окрестных девушек и юношей, из которых после тщательного отбора оставляют самых красивых. Четыре месяца (120 дней) четверо негодяев развлекаются с ними. Четыре месяца самого разнузданного разврата, изощренных сексуальных извращений и мучительных пыток, приводящих к увечьям и смерти жертв. Не каждый может досмотреть до конца фильм гениального и безумного итальянского режиссера П. Пазолини «Сало». И зря — нужно пройти через все круги этого кинематографического ада, чтобы увидеть финальные кадры — радостный светлый танец двух прекрасных молодых существ, сохранивших в этой преисподней свежесть чувства и веру в любовь.

В основе фильма Пазолини лежит роман Донасьена-Альфонса-Франсуа де Сада «Сто двадцать дней Со-

дома». Как случилось, что написанный в 1785 году роман оказался почти через два столетия востребованным итальянским режиссером для обличения фашизма?

Уходящий XX век предстал перед нами как жесточайшая проверка всех гуманистических ценностей, выработанных человечеством. Государственные режимы, действовавшие на пространстве этого века во многих странах, составлявших куда больше одной шестой мира, создав страшные машины подавления и репрессий, обесценили человеческую жизнь. Все чаще и во все более широких масштабах насилие стало проявляться в отношениях между людьми и в международных отношениях. Не случаен потому интерес многих современных ученых к проблеме насилия, к проблеме агрессивности в человеке. Восходит ли агрессивность, разрушительное начало к докультурному, бессознательному прошлому или, наоборот, именно культура способствовала проявлению агрессивности, создав множество запретов и табу, пробуждающих в человеке желание «освободиться» от них? Среди современных исследователей есть сторонники как первой, так и второй точки зрения.

Но ясно и недвусмысленно попытался ответить на этот вопрос человек, живший в далеком XVIII веке и подписывающий свои произведения «Маркиз де Сад».

Одним из первых в европейской культуре он осознал, что всякое общество, демократическое или тоталитарное, навязывает людям те или иные эротические стандарты, пытается вмешаться в сферу жизни, считающуюся личной, интимной, — именно так определил значение де Сада известный историк культуры профессор П. Ф. Гуревич (см. его предисловие к сборнику повестей де Сада, выпущенных издательством «Республика» в 1993 году).

Персонажи де Сада и восстают против этих попыток. Ничем не ограничивают они себя в уладах секса. С какими только видами перверсий не встречается читатель книг де Сада: гомосексуализм женский и мужской, фетишизм, скотоложство. Словом, загляните в учебник сексопатологии — и вы найдете там все, что описано у бунтующего маркиза. Что ж, по убеждению де Сада, в этой сфере человек должен быть свободен.

Да вот беда: в большинстве случаев все эти «пиршества плоти» осуществляются путем насилия; не с партнерами, а с жертвами. Непременным условием получения наслаждений для многих героев де Сада является причинение страданий своей жертве, причем не только физических, но и моральных. Главным предметом исследований де Сада становится насилие, и оправданием, причем зачастую хитроумным и логически убедительным, заняты его герои. Известная французская писательница Симона де Бовуар считает, что Сад заслуживает внимания прежде всего не как писатель или философ, а потому, что «его отклонения от нормы приобретают ценность, когда он разрабатывает сложную систему их оправдания. Сад старается представить свою психофизиологическую природу как результат этического выбора» (цит. по «Эрос», М., 1991).

Относительно «своей» натуры добавим, в пояснение слов французской исследовательницы, что в большинстве ужасов, представленных в его книгах, Сад был неповинен. За ним водилось лишь пристрастие к гетеросексуальному анальному коитусу да к флагелляции; более того, этот «кровожадный маркиз», будучи во времена Революции судьей, не вынес ни одного смертного приговора (за что и поплатился еще одним тюремным заключением).

И еще одно замечание. На все хитроумные доводы в оправдание своих злодейств герои де Сада встречают

лишь одно возражение со стороны своих жертв. «А как же Бог?» — спрашивает кроткая Жюстина, защищаясь от посягательств на ее добродетель. И тут начинается проповедь безверия, атеизма, произносятся кощунственные слова и осуществляются кощунственные действия — все сгодится в дело, чтобы доказать, что Бога бояться нечего, что он химера, выдумка, вековое заблуждение. «Раз Бога нет — все дозволено», — задолго до Достоевского «садисты» формулировали эту мысль. Вот почему и сегодня так злободневен французский маркиз, и совершенно справедливо Виктор Ерофеев свое предисловие к десяти tomному собранию сочинений де Сада озаглавил «Мой Сад, мой современник».

В Советском Союзе де Сад долгое время был под запретом, даже в Библиотеке иностранной литературы нельзя было получить его книги. Теперь ситуация изменилась. В девяностых годах вышли и «Жюстина», и «Жюльетта», и «Философия в будуаре», и другие вещи. Переведена на русский язык и книга Дональда Томаса «Маркиз де Сад» (Смоленск, «Русич», 1998), к которой мы и отсылаем заинтересовавшихся жизнеописанием французского писателя и мыслителя. Мы скажем лишь несколько слов о самом скандальном романе де Сада, который мы предлагаем нашим читателям.

«Сто двадцать дней Содомы» писались в тюрьме, в той самой Бастилии, которой предстояло рухнуть через несколько лет после написания романа. Де Сад сам сообщил нам о сроках своей работы: «этот огромный свиток был начат 22 октября 1785 года и закончен за тридцать семь дней».

Да, работать этот французский аристократ умел. Рулон бумаги длиной в 12 с лишним метров, заполненный его мелким почерком, с замечаниями на полях, составивший в пересчете на современный лад

четыре­ста пятьдесят страниц убо­ри­сто­го текста, был за­пол­нен за месяц с не­бо­ль­шим! Таких тем­пов вряд ли можно достиг­чь в наш ком­пью­тер­ный век. Мы знаем о за­ня­ти­ях за­клю­чен­ных, жа­ла­ю­щих как-то уби­ть время, бес­ко­неч­но тя­ну­ще­е­ся в тю­рем­ных сте­нах. Мар­киз де Сад в своей ка­ме­ре в Ба­сти­лии не уби­вал время — он соз­да­вал его. Еже­днев­но с семи ча­сов ве­че­ра и ино­гда до по­лу­но­чи он соз­да­вал свой мир, в ко­то­ром его ге­ро­ям пред­сто­яло про­жить че­ты­ре ме­ся­ца. Воз­мож­но, ро­ман пред­на­зна­чал­ся лишь са­мым близ­ким дру­зьям, он был не для по­сто­рон­них глаз. По­э­то­му и так не­обы­чен спо­соб его на­пи­са­ния. Вме­сто пе­ре­пле­тен­ных тет­ра­док, в ко­то­рых мар­киз пи­сал обы­чно и ск­ры­ть ко­то­рые по­ч­ти не­воз­мож­но, он пи­сал на не­бо­ль­ших ли­ст­ках бу­ма­ги ши­ри­ной в 12 сан­ти­мет­ров, ск­ле­ен­ных в ог­ром­ный двенад­ца­ти­мет­ро­вый свиток, ко­то­рый он и начал за­пол­нять своим мел­ким и чет­ким почерком. Ко­гда «ра­бочий день» кон­чал­ся, мар­киз прятал свер­ну­тый свиток за пор­тье­ра­ми в сте­не ка­ме­ры. Там он и ос­тал­ся, ко­гда де Сад был вы­пу­щен из Ба­сти­лии. Сам автор счи­тал ро­ман утер­ян­ным и ни­ка­ких по­пы­ток вер­нуть­ся к нему не де­лал. По­че­му?

По-ви­ди­мо­му, на­пи­сав пер­вую часть ро­ма­на, Сад ре­шил, что с его ра­бо­той что-то не так. Он со­ставил спи­сок оши­бок, со­вер­шен­ных им при на­пи­са­нии пер­вой ча­сти, и на­бросал план трех по­сле­ду­ю­щих ча­стей.

Свиток де Сада был най­ден спу­стя сто два­д­цать лет. В раз­ных из­да­тель­ствах и на раз­ных язы­ках вы­хо­ди­ла эта кни­га, ко­то­рая «счи­та­ет­ся, с одной сто­ро­ны, са­мой г­нус­ной из ко­гда-ли­бо на­пи­сан­ных кни­г, с дру­гой — ис­кус­но из­ло­жен­ным от­кро­ве­нием са­мых тем­ных че­ло­веческих фан­та­зий» (Д. Томас).

Э­то оп­ре­де­ле­ние од­но­го из ис­сле­до­ва­те­лей жи­зни и твор­че­ства де Сада по­мо­гло нам ре­шить про­б­ле­му

«неоконченности» романа. Если первая часть, посвященная ста пятидесяти «простым страстям», действительно является искусным изложением и представляет, несомненно, художественный интерес, то три последующие, описывающие страсти «сложные», «преступные» и «смертельные», являются простым перечнем различных патологических случаев и протокольной записью растления того или иного юного «предмета» («В этот вечер герцог лишил такую-то невинности спереди, а епископ такого-то сзади»). Они имеют только клинический интерес и годятся разве что в академическом издании.

Евгений Храмов

* * *

Многочисленные войны, которые пришлось вести Людовику XIV в годы своего правления, истощив и финансы государства, и жизненные силы народа, открыли, однако, секрет обогащения неимоверному числу кровососов, кои всегда вместо того, чтобы смягчить последствия общих бедствий, стремятся использовать их ради своей пущей выгоды. Завершение этого царствования, впрочем, весьма блестящего, являвшего собой, быть может, вершину могущества Франции, отмечено возникновением множества сомнительных состояний, чьи владельцы поражали не только роскошью, но и заботливо скрываемым развратом.

Незадолго до того, как Регент попытается с помощью знаменитого трибунала, известного под именем Палаты Правосудия, задушить этих богатеев-откупщиков, четверо из них, мнивших себя единственной в своем роде элитой порока, задумали некое предприятие, о чем и будет рассказано ниже.

Было бы ошибкой думать, что беззастенчивым собиранием налогов занимались люди низкого звания. Отнюдь — к этому были причастны сливки общества. Герцог Бланжи и его брат епископ ^{***}, оба баснословно разбогатевшие на откупах, являют неоспоримое доказательство того, что благородное происхождение подчас совсем не мешает обогащению подобными средствами. Оба этих достославных персонажа, тесно связанные деловыми отношениями и погоней за удо-

вольствиями с небезызвестным Дюрсе и президентом Кюрвалем, первыми замыслили оргии, историю которых мы описываем теперь, и вкупе с двумя своими друзьями стали организаторами и участниками этого невероятного распутства.

В течение шести лет четыре распутника, объединенные богатством, знатностью и высоким положением в обществе, укрепляли свои связи браками, целью которых был прежде всего разврат. Именно он был основой этих союзов. И вот как это происходило.

Герцог Бланжи, трижды вдовец, имевший от одного брака двух дочерей, узнав о том, что президент Кюрваль хочет жениться на старшей из них, несмотря на то, что ему было известно о вольностях, которые отец допускал по отношению к ней, герцог, говорю вам, сразу же представил себе преимущества этого тройного союза.

— Вы хотите жениться на Юлии, — сказал он Кюрвалю. — Я вам отдаю ее без колебаний, но с одним условием: вы не будете ревновать, если она, уже будучи вашей женой, не перестанет оказывать мне те же милости, что и до брака. Кроме того, вы поможете мне убедить нашего общего друга Дюрсе выдать за меня его дочь Констанцию, к которой я питаю чувства, весьма похожие на те, которые вы испытываете к Юлии.

— Но, — заметил Кюрваль, — вы, конечно, не можете не знать, что Дюрсе не меньший распутник, чем вы...

— Я познал все, что можно, — отвечал герцог. — Да разве в нашем возрасте и с нашими взглядами на вещи подобная малость может меня остановить? Вы думаете, я ищу в жене только любовницу? Она нужна мне для удовлетворения моих капризов, моих тайных желаний и страстей, которые покров Гименея окутает самым надежным образом. Одним словом, я желаю ее так же, как вы желаете мою дочь. Вы думаете, я не знаю о ваших целях и желаниях? Мы, сластолюбцы, пора-

бощаем женщину. Положение жены обязывает ее быть более покорной, чем любовница, а уж вам ли не знать, какую роль в наслаждении играет ничем не ограниченная власть!

За этой беседой и застал их Дюрсе. Друзья поведали ему о содержании их разговора и были рады услышать, что и он питает нежные чувства к Аделаиде, дочери президента. Дюрсе согласился принять герцога в зятя при условии, что сам он станет зятем Кюрваля.

Три свадьбы не замедлили состояться — с огромными придаными и с одинаковыми условиями контрактов. Президент признался в тайных отношениях с собственной дочерью, Дюрсе это нимало не смутило, и все три отца, желая сохранить свои права и в целях еще большего их расширения, признали, что три молодые особы, связанные со своими мужьями лишь имуществом и именем, телом принадлежат в одинаковой мере всем трем мужчинам, а если они этому воспротивятся, то будут наказаны самым жестоким образом в соответствии с договором, который подпишут.

Все уже было оговорено, когда появился епископ ***, хорошо знакомый с двумя друзьями своего брата по общему времяпрепровождению; он предложил добавить четвертого участника заключаемого союза, если трое других не станут возражать. Участником этим была вторая дочь герцога, она же племянница епископа, состоявшего в связи со своей невесткой, причем оба брата знали, что именно епископу **** обязана была своим появлением на свет юная Алина. Епископ наблюдал за развитием Алины с колыбели, и как вы легко можете догадаться, никак не желал упустить случай насладиться этим цветком, едва тот расцветет. Как видим, предложение епископа *** ни в чем не противоречило намерениям трех его сотоварищей. Ими тоже двигали самые низкие страсти. Что же касается

красоты и молодости упомянутой особы, которыми предстояло насладиться, то именно по этой причине никто из троих не усомнился в предложениях епископа ***. Он, как и трое других, тоже пошел на определенные уступки, сохраняя не менее определенные права; таким образом, каждый из четырех наших героев оказался мужем всех четырех женщин.

Итак, чтобы помочь читателю разобраться, представим ему всю картину: герцог, отец Юлии, стал супругом Констанции, дочери Дюрсе; Дюрсе, отец Констанции, стал мужем Аделаиды, дочери президента; президент, отец Аделаиды, женился на Юлии, старшей дочери герцога; и епископ ***, дядя и отец Алины, стал супругом трех других женщин, уступив, в свою очередь, Алину своим друзьям, но сохранив на нее известные права.

Счастливые свадьбы состоялись в расположенном в Бурбоннэ великолепном имении герцога, и я оставляю читателям возможность вообразить себе все оргии, происходившие там. Необходимость описать другие не позволяет нам сосредоточить внимание на первых. После этого союз наших друзей еще более окреп. И поскольку важно дать читателю полное представление о наших героях, эти небольшие подробности, как мне кажется, позволят получше рассмотреть их портреты, которые я собираюсь представить в совершенной полноте.

Общество создало общую кассу, которой в течение шести месяцев управлял каждый по очереди. Фонды этой кассы, служившей лишь удовольствиям, были весьма велики. Огромные суммы расходовались на самые причудливые вещи, и читатель совсем не должен удивляться, когда ему скажут, что два миллиона франков было израсходовано за год только на радости стола и постели четырех развратников.

Четыре знаменитых сводницы и столько же сводников, вербующих мужчин, не знали иных забот в Париже и провинции, кроме того, чтобы найти самое лучшее и в женском, и в мужском поле для услады похоти наших героев.

Регулярно, четырежды в неделю, попеременно в четырех сельских домиках, расположенных за четыремья различными воротами Парижа, устраивались совместные ужины.

На первый из них, целиком посвященный удовольствиям в духе Содома, приглашались только мужчины. Туда доставляли шестнадцать молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати лет для совокупления с нашими четыремья героями, которые играли роли женщин. Молодых людей подбирали по размеру детородного органа. Было необходимо, чтобы член достигал такого великолепия, что никогда ни одной женщине не удавалось принять его в себя. Это был важный пункт договора, и поскольку деньги текли рекой и за ценой не стояли, условия редко не выполнялись. Чтобы испытать все удовольствия разом, к шестнадцати исполнявшим роли мужей, добавлялось такое же число более молодых юношей в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет, которые выполняли роль женщин. Эти юноши должны были обладать свежестью, грацией, красотой лица, невинностью и душевной чистотой — и всем этим в наивысшей степени. Ни одна женщина не допускалась на мужские оргии, где воплощалась вся роскошь празднеств Содома и Гоморры.

Второй ужин был посвящен девушкам из хороших семей, которые обязаны были оставить свое высокомерие и чопорность и соглашаться на самое недостойное с собой обращение, отдаваться причудливым капризам развратников и даже терпеть от них оскорбления. Число их обычно составляло двенадцать, и так как Париж